

Глава 9

Чернобыльская трагедия

XXVII съезд закончился в начале марта 1986-го. Прошел он не без дежурных выступлений, не без привычно громких фраз. Но в целом по-деловому. Чувствовался уже поворот от парадности и шумихи к осмыслению реального положения в стране. Пусть не громко, не с надрывом, что стало чуть ли не обязательным в дальнейшем, но делались первые попытки ответа на классический вопрос: «Что делать?»

Что делать с экономикой, которая уже не могла терпеть переливания из пустого в порожнее: пустому требовалось дать хоть какое-то содержание, и порожнее худо-бедно наполнить. Впрочем, ответ на этот вопрос, как я уже говорил, готовился нами давно. Так что сам Съезд для нас, экономистов, производственников, был лишь некой вехой, от которой можно было начинать дистанцию.

И все бы шло по плану — пусть даже с неизбежными коррективами со стороны партии и жизни. Да только судьба вновь послала стране тяжкое испытание. Не мне судить: справедливое или нет. Пусть я субъективен, но до сих пор уверен: такого она не заслужила, нет! Всегда считал себя далеким от церковных обрядов и сегодня не очень понимаю бывших партийных лидеров, которые взяли моду приходить по большим религиозным праздникам в церковь, стоять с постными лицами пред образами. Уж если тебя озарило и ты пересмотрел так быстро свою жизненную философию, то верь в это внутренне, не кошунствуй. Но тогда всерьез мелькнуло: за что ж ты нас так, Господи!

26 апреля пришлось на субботу. Уже собирался уезжать рано утром на работу, когда притормозил меня резкий звонок «вертушки». Звонил министр энергетики Анатолий Иванович Майорец.

— Извините, что беспокою, — взволнованно сказал он, — но, кажется, ЧП на Чернобыльской атомной...

— Кажется или ЧП? — перебил я. — Подробнее можно?

— Подробностей пока не знаю. Связываемся с Чернобылем.

Я глянул на часы.

— Через полчаса буду у себя в кабинете. Надеюсь, вам хватит времени, чтобы дозвониться и все выяснить?

Говорят, что в мгновенья опасности включается шестое чувство. Уж не знаю, какое включилось у меня, но ехал в Кремль и только об этом звонке думал, просчитывал варианты. Увы, но все они оказались неизмеримо далеки от реальности. Видно, человек подсознательно стремится уйти от самого худшего...

Вошел в кабинет, сразу нажал кнопку прямой связи с Майорцем.

— Что там случилось?

— В 1 час 23 минуты на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошел мощный взрыв, после чего начался пожар.

Я уточнил, еще надеясь на лучшее:

— Где взрыв? В машинном отделении?

— Нет, — ответил Майорец, — в реакторе.

Взрыв в реакторе — это было страшно. Пожар в реакторе — еще страшнее. Ночной кодовый сигнал со станции гласил: «Один, два, три, четыре». Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия — ближайшие и отдаленные — предсказать было невозможно.

Неясная пока обстановка в маленьком украинском городке требовала немедленных действий. Поэтому я приказал Майорцу безотлагательно лететь в Киев, добираться к месту катастрофы, а сам вызвал к себе совминовских специалистов. Наскоро прикинул с ними состав Правительственной комиссии, куда в первую очередь должны были войти ученые-атомщики, реакторщики, химики и другие специалисты.

В 11 утра постановление о создании Комиссии было подписано. А в это время помощники разыскивали по телефону председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу, моего заместителя Бориса Евдокимовича Щербину, который накануне улетел на газовые промыслы в Оренбургскую область. ЧП есть ЧП: Щербину отыскивали быстро. Я коротко сообщил ему о взрыве, о составе комиссии сказал:

— Срочно вылетайте в Москву! Члены комиссии будут ждать вас на аэродроме, самолет уже готовят, так что сразу — в Чернобыль.

В 16.00 в Киев ушел спецрейс из Внуковского аэропорта.

Вот что надиктовал потом на магнитную пленку академик Валерий Алексеевич Легасов, тем спешным специальным рейсом тоже улетевший в беду:

«...Мне тогда и в голову не приходило, что мы двигаемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержения знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому».

Никому это еще не приходило в голову, слишком мало было информации, которая, как считается, — мать интуиции. Впрочем, моя интуиция (то самое шестое, седьмое, шестнадцатое чувство!) уже отвратительно подмораживала сердце. Ждать и догонять — мучительные занятия. В тот вечер мне выпало ждать.

Комиссия попала в Чернобыль около восьми вечера. Щербина позвонил мне совсем поздно, устало и с болью рассказал о случившемся. Вкратце так: во время штатного испытания турбоагрегата на четвертом блоке АЭС последовательно произошли два взрыва. Реакторное помещение разрушено, несколько сот человек получили лучевой удар, двое погибли, радиационная обстановка сложная и пока до конца неясная.

Он сообщил, что Комиссия работает, разбившись на маленькие группы, каждая по своему профилю, но уже очевидно, что без военных не обойтись. Срочно нужны вертолеты, лучше тяжелые, нужны химические войска, и поскорей, поскорей...

Немаловажно отметить, что Комиссия обнаружила полностью деморализованное руководство станции и с этого часа все управление работами взяла на себя. Нужны были железная воля и профессионализм. Несколько лет спустя бойкий тележурналист настойчиво вытягивал перед телекамерой из бывшего директора станции «момент истины», согласно которому не он, нарушивший порядки и инструкции, должен был находиться в заключении, а вот те, кто в то время сидел в Кремле. Вот так-то!

Министра обороны С. Л. Соколова на месте не оказалось: в командировке. Дозвонился до начальника Генерального штаба маршала С. Ф. Ахромеева. Я рад был, что именно он взял на себя организацию переброски требующих воин-

ских частей к АЭС. Мне нравились его педантичная четкость, его немногословность, умение уходить от сушты и паники даже в самых трагических ситуациях, делать то, что нужно сию минуту, и не размениваться на пустяки. Казалось бы, чему тут удивляться? Военный же человек! К сожалению, я встречал и других военных... Не знаю, кому и какие приказы он отдавал, но уже к воскресному утру в Чернобыле были и вертолетчики, и химики. Утром же прилетел туда и командующий химическими войсками генерал В. К. Пикалов. Впоследствии за ликвидацию этой аварии он заслуженно получил звание Героя Советского Союза. Забегая вперед, замечу, что мы с Сергеем Федоровичем Ахромеевым так и прошли вместе всю нашу «Чернобыльскую эпопею». Благодарен судьбе, что именно он, а не кто-то другой реально руководил действиями армии, хотя формально руководство осуществлял, конечно же, министр обороны. Но я на собственном опыте отлично познал разницу между формальным и реальным.

Вновь забегая вперед — еще дальше, много дальше...

Мне стыдно даже вспоминать, как издевалась на Верховном Совете СССР над этим пожилым уже человеком, участником Отечественной войны, Героем Советского Союза известная «воительница с привилегиями». Да только ли она, только ли над ним? Неужели не снится он ей сейчас по ночам? Прости их, Сергей Федорович, может, и впрямь не ведали, что творили? Как же несправедливо, что боевой маршал, битый-перебитый, все знавший и все понимавший, умный и честный человек, вынужден был в августе 91 года так ужасно уйти из жизни! Или его вынудили уйти?

...Ночью Б. Е. Щербина позвонил вновь. Я ему передал разговор с Ахромеевым, он в ответ сообщил о решении Комиссии экстренно эвакуировать жителей Припяти — городка, который вырос рядом со станцией: радиационный фон там превышал норму. О сне в эту ночь даже не думалось. Проклятое состояние пассивного ожидания нарушали, к счастью, деловые звонки Щербины, на которые я прямо-таки бросался, пугая жену.

А в это время по ночным дорогам в Припять шли автобусы, их было больше тысячи. Украинские железнодорожники пригнали в Припять три спецсостава. Комиссия, в которую на месте вошли представители соседних с Чернобылем районов, спешно определяла ближайшие пункты для временного расселения эвакуируемых.

Эвакуация началась в воскресенье в 14.00, и ровно через

три часа в Припяти не осталось никого. Сорок тысяч человек покинули свои обжитые дома, бросили хозяйство, добро, собираемое годами, ушли в неизвестность.

В понедельник 28-го состоялось заседание Политбюро. Я докладывал первые результаты работы Правительственной комиссии. Естественно, сказал об эвакуации. О ситуации на станции: четвертый блок разрушен, третий остановлен, первый и второй работают, хотя радиоактивное загрязнение там достаточно высоко.

Вертолетчики во главе с генералом Антошкиным начали облет взорвавшегося блока. Установили, что реактор и реакторный зал полностью разрушены, куски графитовых блоков выброшены взрывом на открытые площадки. Из жерла реактора на сотни метров встал белый столб дыма — видимо, от сгоревшего графита, — а внутри остатков реактора отчетливо видно малиновое свечение.

Главный вопрос — продолжает ли реактор работать, то есть идет ли процесс накопления радиоактивных изотопов, — решен был отрицательно: Легасов подобрался к реактору на бронетранспортере и лично убедился, что реактор «молчит». Но продолжает гореть графит, процесс этот долг и чрезвычайно опасен. Идет поиск средств для надежного гашения...

Всем было ясно, что ситуация сложилась и впрямь чрезвычайная, опасная не только для Чернобыля. Экология всей европейской зоны страны оказалась под серьезнейшей угрозой. На следующий день была образована Оперативная группа Политбюро, взявшая под контроль ситуацию. Возглавить Группу поручили мне.

Сейчас можно, вероятно, кинуть в нас очередной камень: мол, еще одно партийно-государственное бюрократическое формирование вместо дела. Мол, не заседать надо, а действовать... Еще раз напомним: беда случилась в начале 86-го, авторитет Политбюро был непререкаемым. Только его именем можно было задействовать все и всех в стране, а события, понимали мы, шли к тому.

Один пример. Довольно быстро Комиссия Щербины (опять же Легасов предложил) нашла способ тушения реактора: забрасывать свинцом с воздуха. И один мой телефонный звонок заставил повернуть на Чернобыль все железнодорожные составы на дорогах страны, груженные свинцом. Сразу! И никто не посмел возражать...

Да, в беде, в условиях катастрофы мы умеем работать, умеем делать все, что необходимо, без лишних понуканий.

Но, во-первых, страна тогда, в последние дни апреля 86-го, еще плохо представляла себе, что несет с собой чернобыльский ад, все еще только начиналось. Аврал в те часы существовал лишь для тех, кто понимал истинное положение дел.

Даже в городе энергетиков Припяти в ночь на субботу праздновали свадьбы, да и сама эвакуация прошла легко, без особого трагизма. Кое-кто даже на своих автомобилях уехал: дозиметрический контроль еще не встал на дорогах. Справедливости ради добавлю, что ко дню эвакуации уровень загрязненности города был все-таки не слишком опасен.

Нет, поверьте мне, опытному производственнику, умевшему разбираться в уровне руководящих приказов: если известно, что во главе стоит Политбюро, любой исполнитель любого ранга сделает все беспрекословно и точно. Это и есть «во-вторых» и в-главных... И что бы ни говорили сейчас о Политбюро, это был коллективный орган. Решения его были обязательны для исполнения. Да, такова была система. Но простите меня за кощунство, слава Богу, что Чернобыль случился не нынче, а тогда...

Оперативная группа заседала ежедневно, а в первые дни и по два раза. В комнате заседаний оборудовали ВЧ-связь усилителями, чтобы все присутствовавшие могли слышать переговоры с Чернобылем. Любой вопрос из этой зоны решался немедленно. С нами работали все, кто мог хоть чем-то помочь, что-то подсказать. Любой запрос удовлетворялся сразу. Сегодня я просматриваю записки, которые вел по старой своей привычке на каждом заседании: более четырехсот конкретных вопросов разрешили мы. Или скажем точнее: помогли разрешить, сделали решение возможным.

Не могу еще раз не процитировать магнитофонный «дневник» академика Легасова:

«Я не знаю ни одного ни крупного, ни мелкого события, которое не было бы в поле зрения Оперативной группы Политбюро. Должен сказать, что ее заседания, ее решения носили очень спокойный, сдержанный характер, с максимальным стремлением опереться на точку зрения специалистов, но всячески сопоставляя точки зрения различных специалистов. Для меня это был образец правильно организованной работы... При этом в своих решениях Оперативная группа стремилась всегда идти по пути максимальной защиты интересов людей».

Полагаю, безвременно ушедшего из жизни академика

вряд ли можно заподозрить в верноподданнической любви к формально партийному органу. Слова Легасова до сих пор остаются лично для меня лучшей наградой.

Увы, но гражданские власти в первые дни очень скверно справлялись с «защитой интересов людей». Медицина оказалась попросту неготовой к работе в экстремальных условиях, когда счет шел даже не на часы — на минуты. И вновь пришли на помощь военные: началась мобилизация резервистов, как это в нашей армии принято, в законсервированные медицинские батальоны, готовые мгновенно развернуться по тревоге. Она уже была — тревожной не помнили. Пять полностью укомплектованных батальонов сумели сделать многое из того, что должны были делать гражданские медики.

Грустно становится, ибо кто вошел в резервные батальоны? Да гражданские же медики и вошли! Что же это мы — без палки, пусть простят меня военные за вольный термин, работать не умеем? Собранности не хватает? Ответственности? Дисциплины? Хорошо, что у армии все эти качества окончательно еще не вымерли. Однако нынче дело идет к тому, что эти традиционные ее свойства катастрофически теряются. В ней, как и во всем нашем обществе, процветают воровство, коррупция, расхлябанность. Армия является частью общества и не может существовать вне его. И пороки общества являются и ее пороками.

А ведь это не само собой произошло. Вот уже несколько лет целенаправленно идет дискредитация и разложение российской армии. Человек в шинели в нашей стране всегда был последней надеждой, опорой и символом защиты соотечественников. Сейчас же армейские танки в упор, прямой наводкой расстреливают свой же парламент...

Вернемся к теме главы. Столь же бездарно «прокололась» и наша прославленная гражданская оборона. Ненужными оказались все эти пресловутые занятия с примеркой противогазов и разглядыванием плохо нарисованных плакатов. Верно сказано: гладко было на бумаге... В теории наши «гэошники» куда как заматерели, а в реальности выгоняли на зараженные улицы поливомоечные машины — щетками пыль скрести. Пришлось увеличить численность военных химиков в зоне поражения, и они не подвели.

Лекарств, как и следовало ожидать, пугающе не хватало. Первого мая, если не ошибаюсь, мы приняли решение о закупке их за рубежом. Пятого мая продавцы уже были найдены, и лекарства начали поступать в страну.

Я позволю себе сделать небольшое отступление от хронологии событий. Только что было сказано о закупке лекарств. Подобные решения принимались и по приобретению техники за рубежом: роботов, специальных кранов, химических реагентов и т. д. И за все это надо было платить валютой. Затратили примерно 60 миллионов инвалютных рублей, или по тогдашнему курсу 100 млн. долларов.

Меня угнетал и возмущал неприкрытый цинизм западного «цивилизованного» общества. Оно не только не оказало материальной поддержки, но даже сочувствия не выразило. К нам относились в то время как к прокаженным. И только отдельные организации, специалисты и предприниматели предложили свою помощь.

Несколько позже в беседе с премьер-министром Швеции И. Карлссоном я выразил недоумение.

— Вы на Западе должны благодарить нас, — сказал я. — Никто и никогда не застрахован от планетарных катастроф, в том числе и в ядерных делах. Наша страна и народ испытали весь этот ужас, но мы и накопили бесценный опыт, который нужен всем, всему миру. То, что произошло у нас, — это наш крест, а то, что Запад стоял в стороне в то время — дело вашей совести.

...Не люблю руководить только из начальственного кресла, как это у нас принято. Всегда хочу своими глазами видеть то, что делается. Информация из Чернобыля шла непрерывным потоком. Вряд ли тогда хоть кому-то могло прийти в голову что-нибудь скрыть. Но информация — это лишь документы, телефонные разговоры... Меня же какая-то тревога не оставляла, точила, не уставая: все ли мы знаем, все ли верно делаем? А тут — как раз 1 мая — Лигачев, он входил в Оперативную группу Политбюро, подошел ко мне с теми же сомнениями. Решили на следующий же день вылететь в Киев. Соблюдая субординацию, сообщили о нашем решении Генеральному секретарю. Он немедленно и активно нас поддержал: езжайте, мол, на месте все увидите.

Честно говоря, я ждал, что он — глава партии и государства — тоже захочет полететь с нами. Но никакого такого желания он даже не высказал. Даже в виде предположения не высказал...

Отвлекаясь от хода событий, хочу сам себе вопрос задать: почему Горбачев проявил такую странную личную пассивность? Почему он так и не был в горящем Чернобыле? Почему он не приезжал в «горячие точки», когда они и

впрямь становились таковыми? Ни в Карабах, ни в Тбилиси, ни в Сумгаит, ни в Баку, ни в Вильнюс...

Ведь он с первых же дней своего правления усиленно и не без успеха лепил свой собственный образ любимца народа. Шел к людям, говорил с ними прямо на улицах, хотя, честно, разговоры эти довольно скоро приелись своей магнитофонной однообразностью. Он не боялся пресс-конференций. Он легко чувствовал себя под направленными в упор телеобъективами. Он умел и хотел нравиться всем.

А тут — как что, так в кусты... Ведь любому ясно, сколько людских симпатий вызвало бы его даже краткое — пусть на несколько часов — появление в том же Чернобыле! Сколько, к слову, уверенности прибавило бы оно и самим чернобыльцам! Вон столь влюбленная в Горбачева «железная» Маргарет Тэтчер — она ж ни одного ЧП в Великобритании не пропустила: на месте авиакатастрофы или на расстрелянной улице Белфаста — везде появлялась ее хрупкая фигурка. Ее — женщины!

Тем более что ведь было однажды, — когда в Башкирии взорвался газопровод, протянутый рядом с железной дорогой, и взрыв унес сотни жизней, десятки судеб искалечил. Ведь тогда Горбачев после моей информации сам вызвался лететь со мной к месту катастрофы! Почему же только однажды?

Кстати, когда мы с Лигачевым прилетели в Киев, то оказалось, что ни Первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий, ни его ближайшие соратники за эти уже долгие дни ни разу не удосужились побывать в зоне бедствия! Нас ждали? Единственной из высшей власти, побывавшей до нас в зоне, была Валентина Семеновна Шевченко — Председатель Президиума Верховного Совета республики. Видно, женщины быстрее откликаются на беду.

Мы, повторяю, прилетели. И тут же пришлось отказаться от посещения Киева и настоять на немедленной поездке в Чернобыль. И лучше — побыстрее.

Однако побыстрее не получилось. По дороге останавливались в тех экологически чистых населенных пунктах, куда вывезли часть жителей Припяти. Вопросов с их стороны было, естественно, много. Но отмечу факт, который сейчас может и удивить: явственное ощущение спокойствия. Сегодня не без горечи думаю: спокойствие — дитя как раз незнания. Взрыв был внешне страшен, но одномоментен. Главная опасность входила в жизнь людей медленно, не-

уклонно, но абсолютно невидимо. Незаметно. Людям еще только предстояло осознать беду.

Помню старушку, которая искренне жаловалась мне: «Такую хорошую картошку пришлось бросить! Хотела хоть мешок взять — не дали, «грязная», говорят. А какая ж она грязная? Картошка и картошка...» Впрочем, может, эту старушку я не в тот раз встретил, может, в следующий мой приезд. Да какая разница. Сколько людей и поныне у нас не понимают, недооценивают угрозу радиационного заражения! Одни теперешние коммерческие операции с радиоактивными материалами чего стоят!

Штаб Правительственной комиссии осел в здании райкома партии. Нас уже ждали. Об обстановке коротко рассказали Щербина, Легасов, Майорец, Велихов, председатель Госгидромета Израэль. Потом медики выступили, химики о своих проблемах, а вернее, об общих.

Легасов в воспоминаниях абсолютно прав: мы во всем ориентировались только на мнения специалистов. Но был вопрос, который предстояло решить именно нам. Мне. На стол легла крупномасштабная карта, на которой нанесена была неровная, уродливая клякса — Зона опасного радиоактивного поражения, откуда следовало эвакуировать жителей. Если ткнуть иглой циркуля в точку с надписью «Чернобыль» и провести окружность радиусом в 30 километров, то самые длинные и тонкие «языки» Зоны уперлись бы в нее. Правда, в очерченном круге оставались и не попавшие в Зону места, где уровень радиации, по представленной информации, позволял жить...

Все ждали решения. Ошибиться нельзя было.

— Эвакуировать людей будем из тридцатикилометровой Зоны.

— Из всей? — переспросил кто-то.

До этого спорили, предлагали: давайте не станем торопиться, еще раз уточним границы Зоны. Их же все-таки с некоторым запасом определяли. К тому же вертолетная радиационная разведка — а иной там нельзя было провести — не самая точная.

Всегда любил поговорку: семь раз отмерь... Увы, но в тот момент она не подходила к ситуации. Времени не оставалось семь раз отмерять, следовало торопиться. Экономить, выгадывать на эвакуации, на здоровье людей — этого я ни понять, ни принять не мог. Лучше перестраховаться, а то как бы потом не просто дороже, а хуже для людей не вышло...

— Из всей! — решительно подвел я черту. — И начинать немедленно.

Когда спустя несколько часов мы возвращались в Киев, навстречу нам шли в Зону сотни пустых автобусов: казалось, что вся дорога от Чернобыля до Киева была ими занята. В Зоне должны были обезлюдеть 186 населенных пунктов.

Щербина уехал днем позже. Он к тому времени схватил солидную в сумме дозу радиации. Потом он еще не раз прилетит сюда, вплоть до 89-го летать станет, еще добавит к той черной сумме новые рентгены... Не они ли в итоге сократили ему жизнь?

В Зоне остался так называемый сменный состав Комиссии. А возглавляли ее по очереди, после Щербины, Силаев, затем Воронин, Маслюков, Гусев, Ведерников, Толстых, украинцы Масол, Мостовой... Если кого запамätовал, не обессудьте.

Когда к осени 86-го радиационная обстановка стабилизировалась, да и работы в Зоне вошли в организованное русло, сменные «дежурства» прекратились.

В 89-м у Чернобыля уже «дежурили» все, кому, как говорится, не лень было, кто хотел на общенародной беде сделать себе громкое политическое имя. Легион их — «дежурных», соревнующихся в недетской игре под названием «Кто громче крикнет»...

А в те первые дни даже журналисты, прорвавшиеся в Зону, писали о трагедии в основном как лишь о прискорбном происшествии. Оно, как считали многие, закончится достаточно благополучно. Они, к сожалению, ошиблись. Стоит ли их винить? Или по новейшей привычке будем призывать к ответу партократов, которые изо всех сил скрывали от народа горькую правду?

Даже бывший выдающийся партократ, а потом вовремя обрядившийся в демократические одежды Шеварднадзе в своих мемуарах бросает камни в коллег, членов ПБ. Из-за их косности-де он не мог сразу же, в первые дни катастрофы, доложить все о ней миру. Он, по-видимому, в те дни это все знал, в отличие от нас, тех, кто каждый час, каждый день по крупинкам собирал данные, анализировал их, делал выводы.

Удивляться такому заявлению не приходится. Этот человек прошел все мыслимые и немыслимые ступеньки восхождения «наверх», он, действительно, ас высшего пилотажа — от всенародного демонстрирования поцелуев с немощным Брежневым на съезде до хаоса и людской крови в своей родной Грузии. Он всегда ведь прав!

Недавно мне стало известно, что едва не «зарубили» на выборах в Российской академии наук Юрия Антониевича Израэля лишь потому, что он в то время был председателем Госкомгидромета и, дескать, скрывал от начальства истинное радиационное состояние. И в такие игры играют более чем взрослые дяди? Да если бы он даже захотел это сделать (непонятно, зачем?), ничего не получилось бы. Перепроверка всех радиационных данных проводилась военными, геологами, атомщиками и т. д. Возьмите, уважаемые господа сомневающиеся, карты радиационной обстановки по каждому дню — и вы убедитесь в этом. Думаю, что они сохранились в Генштабе. И именно на основании таких проверенных и перепроверенных данных и принимались необходимые решения как в Центре, так и в пострадавших республиках.

Я, например, даже не думал, что «тете Клаве» из далекого сибирского села было необходимо иметь данные о радиации в бэрах в какой-нибудь белорусской деревне. Мне о том и думать тогда было некогда. У меня в голове другая «тетя Клава» занозой сидела. Тысячи их надо было взять из Зоны, поселить более-менее сносно, одеть, накормить, помочь наладить жизнь заново.

Не надо также забывать, что был всего лишь май 86-го. О такой хитрой штуке, как «гласность», еще никто и не слыхивал, хотя, кстати, этот термин был принят на вооружение еще в февральскую революцию 17 года.

Впоследствии было немало нареканий по поводу того, что данные о радиационной обстановке в той или иной местности, в конкретном населенном пункте доводились только до руководства этих республик, а не публиковались в дальневосточной, например, печати. Мне говорят: была бы гласность, сколько жизней можно было бы спасти, сколько людского здоровья сберечь! Я в ответ удивляюсь: это как? А так, говорят, что мощное общественное мнение сильно повлияло бы на всяких начальников, чтоб они вертелись побыстрее и поэффективнее. Узнавшие же о всенародной беде добровольцы рванулись бы на помощь Чернобылю со всех концов державы.

Не могу с этим согласиться. От добровольцев в те дни отбоя не было. Шли тысячи писем с просьбой направить их на работу в Зоне. Разве под пистолетом приехали в Чернобыль шахтеры и строители, энергетики и мелиораторы, физики и геологи? Да возможно ли всех перечесать?! Кто заставил участника Отечественной войны и «афганца»

генерала Валентина Ивановича Варенникова и других генералов, офицеров и солдат глотать зараженную пыль? Не отсутствие гласности, а беда человеческая толкнула их туда в ущерб своему здоровью.

Лишь спустя год-два о Чернобыле заговорили в печати всерьез и много, хотя и с «перебором», с откровенным враньем. Начали создаваться многочисленные общественные фонды в помощь чернобыльцам, а народные депутаты всех мастей с разных трибун на всю телевизионную аудиторию страны стали в голос кричать о том, что жить нельзя не только в тридцатикилометровой Зоне, но и в трехсоткилометровой. Цитата из «Откровений Иоанна Богослова» про звезду Полынь стала известной как бы впервые, поскольку к месту понадобилась публицисту...

Да остановимся! Это о челябинской ядерной катастрофе в давних и молчаливых 50-х не только страна, но и мы, соседи в Свердловске, ничего не знали. Чернобыль, к счастью, никогда не был тайной. А потом, когда его совсем открыли настежь... Разве хватает врачей-добровольцев, да и не добровольцев — просто врачей в районных детских больницах где-нибудь в белорусских Хойниках рядом с Зоной? Разве в суверенных государствах теперь стало больше домов, квартир, рабочих мест для беженцев-чернобыльцев? Разве нынешняя гласность остановила разворовывание выделяемых Правительством России средств для пострадавших?

Нет, одна только гласность ничего сама решить не может. Одна она только, извините, голосит. А дело делают те, кто хочет и может его делать, кричи не кричи... Да, мы в тот год о Чернобыле не кричали. Может, зря. Может, надо было и впрямь в голос: народная беда во все века криком исходила, пока кричащие не уставали и не брались за топоры да пилы — отстроить то, что-поручено.

Сейчас оглядываюсь назад, соображаю: что же было не сделано? Да много чего — не перечислить! А что было не исполнено из того, что непременно, в первойшую очередь исполнить надо было? Не могу вспомнить: все было сделано! Перечислю очень коротко, длиннее незачем, о Чернобыле нынче тома написаны.

Погасить пожар в реакторе... Сделано уже 10 мая. Вертолетчики забрасывали мешки со свинцом точно в горящее жерло, работали снайперски, бесчисленные тонны металла ушли в огонь, да его много и было — эшелоны пришли вовремя.

Академик Велихов прогнозировал опасность проникновения расплавленных продуктов горения в грунт, а следом и в грунтовые воды. Шахтеры-добровольцы всего за сорок пять дней вместе со своим министром Михаилом Ивановичем Щадовым проложили подземный ход под основание блока и отрыли под ним огромное пространство для заполнения бетоном и сооружения охлаждающей системы. К счастью, это не понадобилось. Но разве я имею право счесть работу шахтеров лишней? Никогда!

Возникла уже не теоретически прогнозируемая, но абсолютно реальная опасность смыва летними и осенними дождями, а впоследствии и весенним паводком радиоактивной пыли с поверхностного слоя земли во множество речек, речушек и, главное, в Припять, а за ней — и в Днепр. Проклинаемый всеми Минводхоз с одним из своих руководителей П. А. Полад-Заде (именно его в 89-м «зарубили» народные депутаты на должность министра) в кратчайшие сроки представил прямо-таки невероятный по филигранности план обваловки всех водных артерий огромного района. И вместе с армией осуществил его! Было выстроено 130 больших и малых дамб на территории в 1,5 тысячи квадратных километров. Припять и Днепр остались чистыми.

Нужно было озаботиться тем, где станут жить тысячи эвакуированных семей. В самом Киеве выделено 7500 квартир (увы, но была приостановлена очередь), в Чернигове — 500, в Киевской области — 6000 отдельных домов.

Необходимо было намертво похоронить источающее смерть место взрыва. Спроектировано сооружение, метко названное впоследствии «саркофагом». Мой заместитель Юрий Петрович Баталин рвался в Чернобыль, но по настоянию врачей его мы не пустили туда. Именно он представил на утверждение проект с таким древнегреческим названием.

Впервые в мире в сложнейших радиационных условиях построено воистину фантастическое сооружение, на которое ушло 400 тысяч кубометров бетона, 7 тысяч тонн металлоконструкций. Точнейшие радиационные датчики в его гигантском теле начали работать уже в конце 86-го. По существу, строители саркофага жертвовали собой. Сейчас уже многие из них ушли из жизни.

Медицина... Мы понимали, что Чернобыль — это долго, на поколения. Мы отчаянно торопились, старались успеть. Первоначальную обязательную профилактику про-

шло 5,4 миллиона, на постоянный диспансерный учет поставлено больше полумиллиона человек.

Не считите эту сухую и для кого-то известную информацию за попытку убедить читателя, что было сделано вообще все. Мы прекрасно понимали, что несделанного куда больше, чем сделанного.

Чернобыль с размаху ударил по только-только оживающей экономике, ударил безжалостно. Напомню: потом была Армения. О ней — особый разговор. Позже и страну разваливать начали. Рушились планы и замыслы. Политика и стихия наступали на экономику, душили ее, рвали на куски...

Но я говорю о первых днях и первых месяцах беды, вспоминаю их, перебираю, как камушки на ладони, и не могу обнаружить: в чем же мы тогда ошиблись? Что не захватили? Куда не шагнули? Еще раз — говорю о начале. Очередное отступление.

Я уже писал здесь, что жизнь то и дело расставляла на нашем пути «огневые точки», амбразуры которых приходилось прикрывать грудью. Часто их создавала наша тяжкая судьба: гражданская война, Великая Отечественная — это из ряда глобальных катастроф. А были поменее: недороды, засухи, землетрясения, наводнения. Но многое, слишком многое мы сами против себя же сооружали: повальная коллективизация, «осовнархозование», повсеместное кукурузосеяние... Все это так или иначе било по людям. И по экономике, а значит, опять по людям. Чернобыль соединил в себе оба варианта: мы его сами построили, мы же с ним непочтительно обращались — он нам отомстил катастрофой, трагически сказавшейся и на людях, и на природе и продолжающей угрожать не только нынешним, но и грядущим поколениям, флоре, фауне многих стран.

«Н. И. Рыжков в своем выступлении 14 июля сказал, что ему кажется, что авария на ЧАЭС была не случайной, что атомная энергетика с некоторой неизбежностью шла к такому тяжелому событию». Цитирую не по своим записям, а по воспоминаниям Легасова.

Да, действительно, я говорил это на ПБ. Говорил и имел для этого основания. Чернобыльская катастрофа произошла через полгода моего премьерства. Но я часто до этого бывал на заседаниях Правительства, знакомился с различными записками, публикациями ученых и специалистов и чувствовал, что бдительность ученых, строителей, эксплуатаци-

онников притупилась. С этой страшной энергией перестали разговаривать на «вы». Она нас и наказала.

И как только страна услышала черныбыльский гром, как только выросла на пути очередная дышащая смертью амбразура, мы снова бросились ее закрывать всем миром, так, будто другого ничего и не существует. Люди не думали ни о деньгах, ни о себе, ни даже о близких. Были тут же забыты ссоры и распри, все сплотились и бились рука об руку.

Я уже рассказал, как по телефонному звонку поворачивали на Чернобыль эшелоны, как мгновенно сработала наша внешняя торговля, когда требовалось срочно приобрести лекарства и технику. Я могу привести десятки примеров точной, быстрой и согласованной работы всех республик, разных министерств, ведомств, заводов.

Но почему для этой точности, быстроты и согласованности обязательно нужна беда? Почему, как только приказ «Не отступать!» теряет свою актуальность, все немедленно успокаиваются и по-прежнему работают ни шатко ни валко? Почему мы не умеем трудиться на совесть в покое и мире? Что это? Опять вина социализма? Или административно-командной системы? Или неистребимая примета национального характера? Впрочем, во многом это риторические вопросы...

Я вновь прилетел в Чернобыль 8 августа с членом Комиссии Виктором Михайловичем Чебриковым. Теперь мы уже думали о завтрашнем дне. Вместе с учеными и специалистами планировали, когда можно будет пустить первый и второй блоки станции, когда заработает — и заработает ли вообще — третий блок. Мы уже искали место для строительства нового города энергетиков вместо Припяти, который получит имя Славутич.

В те дни я был не только на украинской территории беды, но и на белорусской, пострадавшей еще больше. Мы смотрели, как строятся поселки для эвакуированных, и уже откровенно радовались, что — это слова Горбачева из его сильно запоздавшего, лишь 15 мая, выступления — «худшее позади». Но тогда еще толком никто не знал, как больно отзовется Чернобыль на завтрашнем здоровье тысяч белорусов, украинцев, россиян. Еще не пришло понимание того, что почти никто из лишенных отчего крова нигде и никогда не будет так счастлив, как был счастлив в своем доме. Ну, и, конечно, никто, наверное, не предполагал, что всенародную беду можно использовать для создания себе имени,

славы, отхватить неожиданную должность, тиражировать беду в фильмах и книгах, заработать бешеные деньги, — ничего не делая для конкретного ребенка, конкретной деревни, конкретной больницы.

Недавно увидела свет увесистая книга одной пишущей и вездесущей дамы из президентского окружения, в которой она использовала протоколы заседаний нашей Оперативной группы. Сколько же злости в этом «труде» в отношении тех, кто досрочно уходил из жизни, лез в пекло чернобыльского ада. Даже враги более уважительно ведут себя в отношении своего самого ярого противника.

Позади девятая годовщина трагедии. Я надеялся, что за это время произойдет какое-то переосмысление всего происшедшего. Ничего подобного. И я дал себе слово, что в подобной обстановке эта глава книги будет моей последней публикацией на данную тему.

Так и хочется сказать: «Остановитесь. Остыньте. Горло надорвете. И не стыдно вам?..» Им не стыдно. Они всегда «знают, как надо». Не они ли приблизили самоубийство человека, которого я безмерно уважал, перед знаниями и талантом которого преклонялся, который во многом решил проблему блока номер четыре, — академика В. А. Легасова?

Хотите — назовите это очередным отступлением. Отступлением о подлости.

Пришло время награждать героев. Их в Чернобыле было много, как и на всякой войне. Вертолетчики, химики, пожарные, атомщики, рабочие, ученые. Я не знаю, что станет с нашими орденами и медалями, почетно или стыдно завтра будет носить звание Героя Социалистического Труда и не заменят ли его власти званием Героя Труда Капиталистического. А уж с орденом Октябрьской Революции все ясно: он станет орденом Августовской или Декабрьской Контрреволюции, а то и Четвертого Октября. Я уверен, что когда-нибудь подобные награды будут не знаком чести и героизма, а символом предательства и позора.

Но в то время ордена и медали люди еще ценили. Радовались, когда выпадала честь получить за хороший труд, за подвиг, за самопожертвование правительственную награду. Списки представляемых к наградам составлялись на местах. На Политбюро по традиции утверждались лишь награды «большим начальникам». А если серьезно, мы приняли решение не включать в число награжденных членов Оперативной группы и зампредов Совмина. Прошло, к счастью, время, когда члены Политбюро друг другу на грудь

звезды вешали. Но как, скажите, было не наградить командира «химиков» генерала В. К. Пикалова, который дневал и ночевал около четвертого блока? Как было не наградить «шахтерского министра» М. И. Щадова, который сам из шахты под блоком не вылезал?

Стали смотреть список. Читаем фамилии — что за чертовщина? Нет Легасова. Почему? Мне туманно объясняют, что он, мол, заместитель директора Института атомной энергии, который и проектировал взорвавшийся реактор. Как же, мол, его награждать... Не поймут, мол... Наша комиссия не отступает. Когда этот реактор команда академика А. П. Александрова проектировала, Легасова в институте и близко не было. Он там недавно. Он к реактору вообще отношения не имеет, он специалист по физико-химическим процессам. Он, наконец, этот реактор погасить сумел! Вроде убедил. Все меня поддерживали. Включили в список и направили в Президиум Верховного Совета СССР.

А слухи удержать нельзя. Говорят, в институте Легасова уже поздравляли со званием Героя Социалистического Труда, к которому мы его и представили. И тут выходит в газетах Указ со списком награжденных, а Легасова в том списке нет.

Я в принципе спокойный человек. Взрываюсь редко, а на этот раз не сдержался. Пришел с рядом товарищей к Горбачеву: куда исчез академик, кто его вычеркнул из списка? Горбачев, глядя в сторону, начал приводить все те же пыльные аргументы: «не поймут», «не ко времени». Потом вроде бы проговорился: сами же ученые не советуют. И подвел итог разговору: поезд, как говорится, ушел, а Легасова мы попозже за что-нибудь другое наградим. К слову, к 50-летию ему министр Ефим Павлович Славский объявил благодарность и подарил часы.

Мы, участники разговора, ушли подавленные. Вот и цена проникновенных слов Генерального секретаря о народной беде, о людском горе, о мужестве героев, о силе науки! Это ж надо было так верить «приближенным», которые ловко умели прибиться под крыло Человека № 1! Догадываюсь, кто из близких в то время к Горбачеву ученых «не советовал» ему награждать Легасова. Но молчу о догадке. Увы, не пойман — не вор.

Как уже сказано, Чернобыль неожиданно и мощно ударил по все еще больной нашей экономике. Именно с него началась атака на атомную энергетику вообще. Бессмысленная и крайне вредная атака вместо глубокого анализа

причин и здравого решения проблем. Во Франции, в США, в Японии и других странах многие атомные электростанции вполне успешно работают прямо в городах.

Чернобыль безжалостно прошелся по судьбам тысяч людей, а скольких он еще достанет, догонит, добьет! Он и в моей жизни оставил тяжкий след.

Не так давно украинцы приняли решение остановить и законсервировать станцию. Поводом послужило событие, начисто опровергающее теорию, согласно которой в одну воронку снаряд дважды не попадает. В нашей стране снаряды прицельно лупят в одну и ту же воронку: на Чернобыльской атомной вновь случился пожар.

Времена быстро меняются. Реальная жизнь с ее проблемами и невзгодами заставляет пересматривать снятые, казалось бы, вопросы. Уже идет расконсервация Армянской атомной, снизился накал страстей на Украине. Но, несмотря на «лечебные» свойства времени, еще потребуются многие годы для исчезновения синдрома атомобоязни.

Чернобыль — это не только и не столько взрыв. Не только и не столько радиация и все, неизбежно и страшно связанное с нею. Не только и не столько проблема атомной энергетики. Чернобыль — это момент высвобождения дремучих человеческих инстинктов, круто замешанных на первобытном страхе перед Невидимым, Неведомым, Непознанным.

Мы многого не могли предположить, когда гасили пожар в реакторе и спасали тех, кто явно мог пострадать. Ну, например, вряд ли можно было себе представить такой невероятный накал политической борьбы, которая в какие-то моменты захватит огромные массы людей, даже детей малых. А ведь в пылу этой борьбы сильным мира сего не до простого человека, даже если его судьба и жизнь в опасности. Все идет в ход. Все козырем стать может — даже страх, который, конечно же, рожден был в те действительно трагические апрельско-майские дни. Его бы утишить, успокоить людей — психотерапию как ветвь медицины даже нынешние разрушители всего и вся отменить пока не смогли, — да разве в политической борьбе им есть дело до человеческого покоя? Они ж, борцы, за высокие идеалы бьются!

Страх был замечен и взят ими на вооружение, раскручен до необычайной, неправдоподобной силы. Вменен в вину всем мыслимым и немыслимым врагам «демократов» и прежде всего — коммунистам, которые-де всегда вели страну к

катастрофе. Тем более если она рукотворная. И имя тому страху дано было однажды и надолго: Чернобыль.

В 1992 году меня пригласили к следователю Генеральной прокуратуры. Оказывается, я был не совсем прав, сказав, что «демократы» предъявляют претензии к коммунистам и за происшедшее в Чернобыле. Выяснилось, что дело было возбуждено еще по указанию коммуниста Горбачева против злоумышленников — коммунистов, которые, пройдя Чернобыль, набрались наглости остаться в живых. По наследству от СССР дело перешло в Россию. В необходимый момент эта тема активизируется. Не знаю, долго ли ждать нового всплеска.

Около пяти часов шел допрос. Десятки вопросов сыпались на меня. Кого я персонально обвиняю в недостаточных мерах по ликвидации аварии? Никого! Значит, виновата система? Виноваты люди, бездарно эксплуатировавшие станцию!

Эстафету приняли обвинители КПСС на Конституционном суде. Президентский обвинитель «господин» полковник Котенков, обложивший себя выше макушки томами по Чернобылю, отрепетированным армейским голосом настойчиво задавал вопросы о бэрах и кюри вообще и в отдельно взятой деревне — в частности.

Стоял я перед ним и думал: где ж ты был в то время? Почему не поехал добровольцем туда, в пекло? Может быть, и не задавал бы мне сейчас дурацких вопросов. Он и ему подобные не имели морального права быть обвинителями тех людей, которые считали своим гражданским долгом утихомирить вырвавшуюся из рук человека стихию. Несколько часов я отвечал этой публике. Но вскоре после суда увидел я Котенкова по телевидению уже в генеральской форме. Получил-таки свои серебренники за выслугу на суде.

Прошли годы, и с высоты узнанного, пережитого, передуманного задаю себе сегодня вопросы: может, не стоило стремиться во что бы то ни стало заставить чернобыльскую станцию работать? Может, не надо было тратить огромные деньги на ее восстановление, на строительство Славутича — нового, с нуля, города? Может, следовало найти этим обездоленным энергетикам иную работу или пристроить их на других атомных станциях? Может, мы должны были принять волевое решение: погасить реактор, возвести над блоком саркофаг и... закрыть Чернобыльскую атомную? Забыть о ней. Выбросить из жизни.

И не надо было бы никому постоянно доказывать, словно оправдываясь, что сама по себе станция безопасна. Что

атомная энергетика перспективна, и мировой опыт здесь весьма нагляден. Что в дрянных руках и самогонный аппарат взорваться способен. Что дрянные руки случаются и у консерваторов, и у демократов, и у коммунистов, и у анархистов. И никакой строй, никакая система не гарантирует от несчастья, рожденного случаем или глупостью, роком или бесхозяйственностью...

И не вырос бы до небес страх. И не стал бы орудием в злых и безжалостных нечистых руках. И жили бы люди, забыв о былых кошмарах.

Вопросы, вопросы...

Интересно, как бы ответил на них светлой памяти Валерий Алексеевич Легасов?